

Ли Сы стоял в полном недоумении.

— Зачем моему сыну лекарь? Что с ним стряслось? — Он не шутку перепугался. Мальчишка у него рос отпетым сорванцом — неужто опять покалечился или кто-то его поколотил?

Даня, заметив, как занервничал дядя Ли, испуганно вжала голову в плечи. Младенец Янданьцзы у неё за спиной начал сползать вниз, и она привычным резким движением плеч подбросила его повыше.

Она и сама толком ничего не знала.

— Гоудань... Гоудань просто велел передать, — пролепетала девочка.

— А видела ты его где?

— У дома Дафу.

Дело дрянь. Неужто этот паршивец опять напросился на неприятности и его поколотили? Ли Сы со всех ног припустил к усадьбе Чэнь А-да.

— Чэнь А-да! Чэнь А-да, собачий ты сын, за что моего парня избил?! — Лао Сы колотил в ворота как ненормальный, а в панике и вовсе силой выломал хлипкую калитку.

— Ты что творишь?! — раздался яростный вопль. — Лао Сы, с ума спятил? Решил мне тут весь дом разнести?!

Слыша этот грозный рык, Ли Сы инстинктивно втянул голову в плечи, но тут же упрямо выпятил подбородок:

— Это в вашем доме моего сына избили?! Зачем он тогда лекаря ищет? Где он?!

— Ты что, сука плешивая, бредишь?! С какого это перепугу мы твоего щенка пальцем тронули?!

— А... а как же...

— Слышь ты, Лао Сы, твою мать! — Хэймэй упёрла руку в бок, а другой сердито ткнула пальцем прямо ему в грудь. — А ну выкладывай всё как есть! Сломал мне ворота, и если сейчас же не объяснишься, я тебе всю душу вытрясу!

Поняв, что сына никто не бил, Ли Сы мгновенно растерял весь свой воинственный пыл. Он

растерянно забормотал и попятился, уворачиваясь от её пальца:

— Да ладно тебе, ладно... Хватит тыкать.

Соседская баба, наблюдавшая за этой сценой через забор, сжалилась над его жалким видом, вытянула шею и зычно крикнула:

— Отец Гоуданя! Да твой малец вместе со старостой уехал в коммунальную больницу! Сказали, Ван Сюаню совсем худо, помирает парень!

— Чего?.. — Ли Сы опешил и резко обернулся.

Что значит «худо»? Неужто при смерти?

Мужчина в ужасе уставился на Хэймэй. Неужели эта злобная баба действительно забила сироту до смерти?

Хэймэй, заметив, что в разговор лезут посторонние, мгновенно вспыхнула как сухой порох:

— Ах ты ж тварь бесстыжая! Сама чтоб ты сдохла, ведьма черносердечная! Какое мне дело до этого ублюдка?! Сама его корми, раз такая жалостливая!.. — и дальше из её рта полноводной грязной рекой хлынули самые отборные ругательства.

Соседка за словом в карман не полезла и тут же взвизгнула из своего двора:

— У самой нутро сгнило! Чтоб тебя черти прибрали, карга злобная!..

Про Ли Сы, из-за которого всё и началось, обе спорщицы мгновенно забыли. Бабы ругались с упоением, со знанием дела. Они крыли друг друга почём зря, поминая всех родственников по мужской и женской линии, проходясь по самым срамным местам и проклиная чужую родню до восемнадцатого колена. Слышали бы их предки на том свете — в гробах бы перевернулись от такого срама.

Остальные соседи один за другим выходили на пороги, держа в руках миски с едой. Прихлёбывая похлёбку и лениво работая палочками, они с удовольствием наблюдали за бесплатным представлением — лучшая приправа к обеду! Будет теперь о чём судачить всю неделю.

В деревне к подобным ссорам относились просто. Люди взрослые, вспылят — исходят криком, дело привычное. Наоборот, если бы день выдался тихим, все бы заподозрили неладное. К тому же всем было ясно, что дальше ругани дело не пойдёт: обе бабы стояли у своих калиток и не делали ни шагу навстречу друг другу. А если бы и сцепились — соседи из чувства приличия и

родственных связей тут же разняли бы их.

Ли Сы поглядел направо, налево — никому до него дела не было, битва бушевала вовсю. Он лишь головой покачал: надо же было так сцепиться на ровном месте.

Он отродясь не умел улаживать споры, а уж лезть между двумя разъярёнными бабами и вовсе не решался.

Тихонько, бочком, он выскользнул из переулка и зашагал к дому. На душе было беспокойно за сына. Заперев ворота, он решил во что бы то ни стало идти к коммуне. Бог с ними, с рабочими баллами — сын всяко дороже любой выработки.

Коммунальная больница

Тем временем в больнице все томились в ожидании, пока у Ван Сюаня спадёт жар. Старый староста уныло вздыхал на лавке — всё-таки живая душа, нельзя просто взять и бросить парня на произвол судьбы.

Он искоса поглядывал на пристроившегося в углу Чэнь А-да. Стоит старосте уйти, и этот непутёвый дядька тут же сбежит, помяните его слово. Ну и семейка...

— Гоудань, а ты и вправду согласен, чтобы Ван Сюань у вас пожил?

— Согласен, — отозвался мальчик. — А чего бы и нет?

Гоудань уже изнывал от голода. В больничном дворе росла чахлая, кривая дикая груша с тонким стволом и редкими ветками. Все его мысли сейчас были заняты тем, как бы исхитриться и достать вон те неказистые, сморщенные кислые плоды, что сиротливо качались на самой макушке.

Староста погрузился в думы. Затея была не такой уж глупой. Если оставить Ван Сюаня с дядей, тот его со свету сживёт. А если Ли Сы согласится взять мальчишку... Староста поднял глаза на Гоуданя, который кружил вокруг дерева, примериваясь к веткам. М-да, спаситель из него, честно говоря, выглядел так себе.

Эх, забот полон рот!

Старик привычно постучал по ладони трубкой — даже в такой спешке он не забыл прихватить её с собой. Без табака ему и думалось тяжело.

Все трое молчали, каждый думал о своём. В это время Ли Сы, запыхавшийся и взмокший от быстрого шага, уже добрался до окраины коммуны. Дорогу к больнице он помнил хорошо — когда-то и самому доводилось лежать тут в палате.

А во дворе Гоудань уже вовсю качался на тонком суку, силясь дотянуться до заветного плода. Мальчик изо всех сил вытягивал руку, балансируя на одной ноге и стараясь не завалиться в сторону — иначе костей не соберёшь. Впрочем, для деревенской детворы такое лазанье по деревьям за кислятиной было делом привычным, этой наукой они владели в совершенстве.

Староста даже глазом не повел. Для него эти мальчишеские проказы были делом самым обычным.

Вот только таскать чужие плоды посреди бела дня нравилось далеко не всем. Откуда знать, чьё это дерево? Взял и полез без спроса.

Особенно недовольно косилась на него немолодая медсестра. Она работала при больнице и давно считала эту бесхозную грушу своей собственностью — думала обобрать её и унести плоды сыну.

Однако в присутствии старого лекаря помалкивала. Тот страсть как не любил людскую скупость.

Медсестра очень хотела втереться к нему в доверие и перенять хоть немного врачебной премудрости. Вот состарится лекарь, отойдёт от дел, глядишь, и её пристроит вместо себя людей пользоваться. Всё-таки лекарь и простая сиделка — птицы разного полёта.

Тем временем Гоудань, которого никто не дергал, благополучно обобрал пару сморщенных плодов, ловко соскользнул по стволу на землю и небрежно похлопал себя по исцарапанной груди.

Вытерев добычу о штанину, он с хрустом вонзил зубы в мякоть. Личико его тут же забавно сморщилось — кислятина была несусветная.

В три укуса прикончив одну грушу, к остальным трём он даже прикасаться не стал — зубы заломило так, что выть хотелось.

Он невольно потрогал языком верхний резец. Тот едва держался на чересчур тонкой ниточке десны.

—...

— Ой, ста-старо... староста-дедушка!

— Гоудань? Да у тебя весь рот в крови! Что стряслось? — всполошился староста. Не хватало ещё, чтобы этот сорванец тут покалечился. С дерева, что ли, рухнул?

Мальчик замотал головой, сплюнул розовую слюну и снова подтолкнул языком шатающийся зуб. Староста облегчённо вздохнул. Он и сам когда-то терял молочные зубы, растил детей, а теперь возился с внуками — дело житейское, понятное.

— Гоудань! Сын! Господи, почему ты кровью харкаешь?! — Ли Сы ворвался во двор, схватил мальчишку за плечи и испуганно уставился ему в рот.

— Тебя кто-то избил?.. погоди, да у тебя же зуб выпал! — Ли Сы сначала замер в растерянности, а потом, недолго думая, ухватил двумя пальцами болтающийся резец и дёрнул. Зуб легко выскочил.

Вот оно и кровило.

— Да он просто кислую дичку грыз, об неё и приложился, — хмыкнул староста, и его лицо сморщилось в добродушной улыбке, став похожим на сушёный цветок хризантемы.

— А-а, — с облегчением выдохнул отец. — Ну-ка, ополосни рот.

Рядом как раз стоял колодец с воротом. Ли Сы с глухим скрипом покрутил ручку, а Гоудань, сложив ладони ковшиком, принялся полоскать рот, пока выплевываемая вода не стала совсем чистой.

— Вот и ладно, — довольно улыбнулся Ли Сы. — Теперь на этом месте вырастет новый, крепкий зуб. На всю жизнь хватит. На, держи.

Гоудань взял крошечный, только что покинувший десну молочный зуб и поднёс к носу:

— Фу, воняет!

Сладковато-медной кровью отдаёт. Надо же, пока во рту торчал, никакого запаха не чувалось.

— Сынок, его надо в правильное место забросить. Тогда новые зубы вырастут ровными, белыми да крепкими. Тебе же с ними весь век ходить.

Этому поверью его в детстве учила мать, когда у его младшего брата зубы менялись. И ведь правда — у брата зубы выросли один к одному, ровненькие, а у самого Ли Сы — вкривь и вкось. Теперь пришёл черёд передать отцовскую мудрость сыну.

— Ну ладно, — прошамкал Гоудань. — Поддержи пока, а я пойду погляжу, как там Ван Сюань.

Договорив, он удивленно причмокнул. Во рту гулял сквозняк.

<http://bllate.org/book/19654/1959656>